

Глава 38. Деревня Цзюаньлоу 03

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем ушли разведывать местность по карте, а Ци Бай, помня о поручении Лу Хуэя, немного покрутился возле дома и наконец-то наткнулся на старосту.

Только вот тот как раз точил нож и выглядело это несколько пугающе.

Ци Бай на секунду замер на месте, но всё же подошёл и тихо произнёс:

— Дядя.

Судя по внешности Ян Цяньфаня, даже если бы Ци Бай назвал его «дедушкой», это всё равно сочли бы за комплимент, будто это делает старика моложе:

— Помочь вам?

Ян Цяньфань махнул рукой. Хотя он и был стар, как древнее дерево, превратившееся в духа, двигался и говорил он довольно проворно:

— Не надо. Вы же гости, разве можно заставлять гостей работать?

Ци Бай не обладал таким красноречием, как у Лу Хуэя, поэтому растерялся, не зная, что сказать, и смог лишь сухо спросить:

— Дядя, всех приезжих в деревне принимаете вы?

Ян Цяньфань кивнул:

— Я же староста.

Ци Бай посчитал, что спрашивать об алтаре в лоб — не лучшая идея, и решил потянуть время:

— А в деревню часто приезжают?

Неожиданно рука Ян Цяньфаня, точившего нож, слегка дрогнула.

Одна эта пауза заставила Ци Бая внутренне ахнуть, в груди вспыхнула тревожная интуиция, будто в следующую секунду старик швырнёт в него нож.

Однако Ян Цяньфань не разозлился. Он лишь поднял глаза и уставился на Ци Бая:

— А зачем тебе?

Ци Бай изо всех сил пытался войти в образ Лу Хуэя, перенять его манеру врать на ходу:

— Я...

Но всё же он не был Лу Хуэем. Он замешкался, и как раз в этот момент ему на выручку пришёл другой игрок:

— Дядя, мы просто не могли не заметить, что вы ловко обращаетесь с гостями.

Это был парень, с которым Ци Бай недавно познакомился. Звали его Ло Е, и он был довольно общительным. По его словам, он проходил редко инстансы, и это был его пятый раз. Он даже угадал, что Ци Бай студент, и добавил, что сам тоже учится, причём на отделении китайского языка — универсальная, но, по его мнению, бесполезная специальность.

Поскольку Ци Бай не раз видел, как Лу Хуэй скрывает свою личность, он тоже не стал раскрываться и вместо «художник» сказал, что он «историк», ведь художникам всё равно приходится изучать историю искусств, так что он спокойно мог болтать на эту тему, не выдав себя.

Ло Е поинтересовался, какие у Ци Бая отношения с «Цзюнь Чаоманем». Тот ответил, что они просто однажды вместе прошли инстанс и не ожидали встретиться снова.

Поверил Ло Е или нет — Ци Бай не знал, но оставался настороже.

Так вот, пока Ци Бай придумывал ответ, Ло Е уже успел вклиниться в разговор:

— Дядя, здесь так красиво, наверное, многие приезжают сюда в поисках вдохновения?

Только тогда Ян Цяньфань опустил голову и снова занялся ножом:

— Мало кто приезжает.

Он добавил:

— В такой глуши редко встретишь чужаков.

— Как жаль. — вздохнул Ло Е и, словно в шутку, продолжил, — А ведь из этого места можно было бы сделать горный курорт! Красота, прохлада, ещё и экономика деревни оживёт...

Ян Цяньфань, не поднимая головы, продолжал точить нож:

— В деревне одни старики. Нет ни сил, ни желания.

— А есть тут у вас кто-то, кто продаёт дом? Я, честно говоря, был бы не прочь открыть здесь лавку.

— Нет. — ни секунды не колеблясь отрезал Ян Цяньфань. — У нас никто не собирается продавать дом. Это родовые гнёзда, их нельзя продавать.

И несколько резковато добавил:

— Даже не думайте об этом!

— Дядя, не сердитесь! — поспешил успокоить его Ло Е. — Я просто спросил. Не продаёте, и ладно.

Ци Бай смотрел на Ло Е с лёгкой досадой. Тот всё испортил своей болтовнёй, и вот как теперь спросить про алтарь? Надо было сразу спросить, как только спустился.

Ян Цяньфань проигнорировал Ло Е. Тот, впрочем, не смутился и просто стоял, ожидая.

Ци Бай догадался, что Ло Е хочет посмотреть, о чём он сам будет спрашивать, и поразмыслив, решил, что юлить смысла нет:

— Дядя, я заметил у вас дома пустой алтарь.

Он активировал способность [Детектор лжи] и добавил:

— Почему так?

Ян Цяньфань не разозлился. Он просто убрал один нож и начал точить другой:

— Раньше мы верили в богов, теперь нет.

[Он не лжёт.]

— Но алтарь разбирать не с руки, вот и оставили как украшение... Это вас напугало?

[Он лжёт.]

Ци Бай мысленно глубоко вздохнул, прикусив кончик языка, чтобы сдержать удивление и не выдать себя перед Ло Е:

— Да, немного.

Он продолжил использовать способность:

— Я не мог не заметить, что он выглядит не так, как обычные алтари.

Ян Цяньфань медленно протянул:

— А... Об этом ничего не знаю.

[Он лжёт.]

В этот момент Ци Бай осознал одну вещь: Ему срочно нужно учиться актёрской игре, иначе он действительно подведёт Лу Хуэя.

Тем временем Лу Хуэй, не зная, что Ци Бай в это время корит себя за неумение врать, шёл с Мин Чжаолинем по мосту, который выглядел весьма опасно.

Хотя назвать это мостом, было честно говоря сложно. Это был просто огромный ствол дерева, перекинутый через бурную реку. Река шла под уклон, и глубину было не разглядеть, так что идти по такому «мосту» было довольно рискованно.

Зато перебравшись на другую сторону, можно было попасть в более глубокую часть деревни.

Здесь дома стояли плотнее, чем там, где жил Ян Цяньфань, и выглядели старше. Было много глинобитных домов, что получше были из глиняного кирпича, ещё лучше — максимум из цементного. Многие дома стояли вплотную друг к другу, а некоторые посередине даже были соединены навесами, лежащими на крышах двух соседних домов — видимо, чтобы защититься от дождя.

Такой дизайн Лу Хуэй видел не раз, но так и не понял, зачем он нужен. В любом случае, это делало два дома почти единым целым.

Из-за такой плотной застройки вся деревня напоминала лабиринт. Множество поворотов, проходишь под навесом одного дома — и выходишь на другую дорогу, а то и вовсе случайно оказываешься во дворе чужого дома. Некоторые пути непременно проходили под самодельными навесами...

Лу Хуэй подумал, что будь здесь кто-то менее ориентированный в пространстве, тот сегодня бы точно не выбрался.

Они с Мин Чжаолинем шли, одновременно выстраивая в уме карту. Пришлось пройти множество кругов и повторяющихся маршрутов, прежде чем они наконец смогли воссоздать полную картину этого лабиринта.

В отличие от привычного представления о деревнях как о пустынных и разбросанных местах с парой домов, деревня Цзюаньлоу, хоть и называлась деревней, уже была продуктом нового времени. Кроме действительно бедных семей, живущих не очень хорошо, остальное мало чем отличалось от сельской местности в маленьких городах реального мира.

Если бы не горы и отсутствие настоящих улиц, её можно было бы назвать «посёлком».

Вот только дороги были очень запутанные. Когда Лу Хуэй и Мин Чжаолинь наконец вышли из лабиринта, Лу Хуэй с облегчением выдохнул:

— Если бы в телефоне был счётчик шагов, мы бы сегодня были вне конкуренции в WeChat.

Мин Чжаолинь склонил голову:

— WeChat?

Лу Хуэй замедлился. Разве игроки в его инстансах не упоминали об этом в разговорах с Мин Чжаолинем?

— А... — сказал он. — В реальном мире есть такое приложение для общения, ещё можно платить — очень удобное.

Он пояснил:

— В нём есть функция подсчёта шагов. Если носить с собой телефон, он записывает, сколько шагов ты прошёл за день.

Мин Чжаолинь не понял:

— И в чём смысл?

Лу Хуэй задумался:

— ... Хороший вопрос.

Сам он никогда не включал эту функцию, просто знал, что она существует — и что некоторые шутят на эту тему.

Они разговаривали, возвращаясь обратно, когда Лу Хуэй вдруг спросил:

— Ты заметил?

Мин Чжаолинь взглянул на него:

— Ты о чём?

Взгляд Лу Хуэя на мгновение задержался на слегка колышущихся кончиках длинных волос Мин Чжаолиня и задумался: поможет ли в следующей драке дёрнуть Мин Чжаолиня за волосы? А в следующий миг вспомнил, что не писал о NPC, которые в бою хватали Мин Чжаолиня за волосы.

— ... В некоторых домах были открыты двери. — вырвалось у него, — И там тоже были пустые алтари.

Похожие на гробы.

Все без подношений, все с давно догоревшими благовониями.

Словно под копирку. Если бы не разные длины палочек, Лу Хуэй бы решил, что всё это снова — копия из предыдущего инстанса.

— Мгм. — кивнул Мин Чжаолинь. — Заметил.

Когда он думал, он обычно накручивал на палец кончики волос. И это вовсе не походило на кокетство, наоборот, из-за этого от него исходила небрежная опасность. Как яркий, но ядовитый цветок. Красота.

Если бы он ещё и не пытался убить его при каждом удобном случае, было бы ещё лучше.

— Раз А-Мань спросил об этом, значит, что-то придумал?

— ... Я просто считаю это немного странным. — ответил Лу Хуэй. — Если раньше и правда верили в кого-то, а потом перестали — так снесли бы всё. А тут... оставили коробку, словно гроб. Не убрали, но и не используют. Будто место готово и ждёт кого-то...

Он усмехнулся:

— Как будто освободившееся место уступают кому-то.

Мин Чжаолинь тоже думал об этом, но был немного удивлён, что Лу Хуэй всё ему рассказывает. Раньше, в санатории, он делился с ним идеями, потому что они были связаны. А сейчас, даже если они в одной команде, они всё равно соперники, ведь награда за первое место по вкладу слишком важна.

Но раз Лу Хуэй заговорил, Мин Чжаолинь тоже не стал молчать:

— Я думаю, может, в предыстории этого инстанса есть какой-то «новый бог», который требует от деревенских веры в него, чтобы достичь своего «божественного» статуса.

Лу Хуэй щёлкнул пальцами:

— Великие умы думают одинаково.

Поэтому он и любил проходить инстансы с Мин Чжаолинем. Если бы тот не хотел постоянно его убить — было бы вообще идеально.

Мин Чжаолинь усмехнулся, его тон был рассеянным:

— Но отношение жителей этой деревни к чужакам тоже какое-то странное.

Ни отторжения, ни любопытства — просто... равнодушие?

Из-за того, что все старики?

Лу Хуэй снова вспомнил слова Цзян Ципэна, а также Чжун Чжаоди и Ян Цзяньдэ. На удостоверении полицейского Ян Цзяньдэ выглядел молодым и крепким, ему было максимум лет тридцать пять, а то, и меньше.

По дороге обратно к дому Ян Цяньфаня они встретили нескольких деревенских жителей: на плечах — мотыги, рукава и штанины закатаны. Все были примерно того же возраста, что и Ян Цяньфань. Кожа на открытых участках тела была загорелой до черноты с краснотой. С первого взгляда руки и ноги казались тонкими, но при внимательном рассмотрении становилось ясно, что это была жилистая худоба.

Люди несли не только мотыги, но и два коромысла с плоскими корзинами, похожими на носилки. Сверху всё было накрыто толстой тканью, так что не видно было, что внутри.

Но Лу Хуэй почувствовал сильный запах крови.

Они с Мин Чжаолинем уступили дорогу. Лу Хуэй нарочито сделал вид, что ему любопытно, и тихо, но так, чтобы все услышали, сказал Мин Чжаолиню:

— Что там внутри? Может, зарезанные свиньи или коровы?

Мин Чжаолинь тоже сыграл свою роль:

— Не похоже на свиней или коров, они размером побольше.

— ... Чужаки?

Старушка, шедшая сзади без ноши, остановилась перед ними. Её мутные, но очень острые глаза окинули обоих с ног до головы.

Эта старушка была довольно колоритной. Судя по чертам лица, в молодости она точно была красавицей. На шее у неё был повязан яркий шёлковый платок, который в сочетании с тусклым, тёмным платьем в крапинку не очень-то сочетался.

Лу Хуэй кивнул ей, и старушка сказала:

— Там не свиньи и не коровы.

Она посмотрела на несущих коромысла стариков. Её голос был ровным, с примесью равнодушия и даже некоего чувства опустошённости:

— В деревню вернулся ребёнок одной из семей, поэтому зарезали местную диковинку дабы отпраздновать.

Лу Хуэй удивлённо приподнял бровь.

Диковинку?

Они с Мин Чжаолинем почти одновременно переспросили:

— Местный деликатес? Не слышали, чтобы здесь было что-то особенное.

Но старушка не стала продолжать. Только добавила:

— Когда туман немного рассеется, сразу уходите.

Лу Хуэй посмотрел на густой туман вдаль, скрывавший даже вершины гор:

— Кто знает, когда этот туман рассеется.

Туман не рассеется. Только когда закончится инстанс, они смогут отсюда уйти.

Он улыбнулся старушке:

— Спасибо вам.

Та снова взглянула на него, ничего не сказала и медленно пошла за группой стариков.

Когда Лу Хуэй и Мин Чжаолинь развернулись, чтобы продолжить путь, до них снова донёлся голос старушки:

— Болезнь входит через рот, болезнь входит через рот...

Оба замерли и переглянулись. Лу Хуэй задумался, а Мин Чжаолинь усмехнулся.

.

Когда они вернулись в дом Ян Цяньфаня, Яо Хаохао уже немного пришла в себя и стояла во дворе вместе с Ци Баем и остальными, непонятно, чем занимаясь.

Увидев Лу Хуэя, она взглянула на него и тут же отвела глаза.

... Её поведение было немного похоже на то, как на Лу Хуэя смотрела И Анънань. Это заставило Мин Чжаолиня тоже посмотреть на Лу Хуэя.

В чём дело? Он же просто перестал притворяться боевым ничтожеством. А в остальном почти не изменился.

Неужели причина в том, что он замазал консилером две родинки под глазом?

Подумал Мин Чжаолин, и как только Лу Хуэй собрался спросить, что случилось, протянул к нему руку.

Его пальцы коснулись места под глазом Лу Хуэя и слегка провели по коже.

Однако эта штука была не без изъянов. Когда Лу Хуэй создавал маскировку, он думал о водостойкости и идеальном скрытии, чтобы можно было замазать что угодно. Но он не предусмотрел, что её нельзя тереть рукой, ибо она сразу сойдёт.

В конце концов, это был просто предмет для маскировки. Лу Хуэй должен был продумать способ её снятия — иначе она была бы непобедимой.

Лу Хуэй был застигнут врасплох. После действий Мин Чжаолина две маленькие родинки под глазом вновь проявились.

Он запер, затем повернулся к Мин Чжаолиню и его фениксовые глаза мгновенно изменились, став ещё прекраснее, а в движении — необъяснимо соблазнительными, подобно ряби на воде.

— ... Руки чешутся?

Мин Чжаолин, потирая подушечки пальцев, снова задумался: кем же, чёрт возьми, был этот человек?

Почему у него такая нежная и гладкая кожа? С его боевыми навыками — у него должна быть кожа, как у бойца, а не как у богатого наследника.

Он снова протянул руку к Лу Хуэю:

— Ага, отрубишь?

— ... Вот же больной, иди лечись. — бросил Лу Хуэй.

Игроки, хорошо знавшие, насколько Мин Чжаолин безумен, ахнули и даже отступили на несколько шагов, боясь быть втянутыми в драку.

Но Мин Чжаолин не разозлился. Напротив, он рассмеялся, и довольно вызывающе сказал:

— Даже захоти я, в этой дыре врача бы не нашёл.

Лу Хуэй ошарашенно цыкнул:

— Не разговаривай со мной.

Не дожидаясь ответа, он вернулся к тому, на чём его прервали:

— Чего вы тут собрались?

— В доме слишком гнетущая атмосфера. — первым ответил Ци Бай. — Вот мы и вышли, подышать свежим воздухом.

Хотя тяжесть после выхода на улицу не сильно уменьшилась, но более открытый обзор и достаточно яркий свет без включения лампы всё же делали пребывание несколько комфортнее.

Лу Хуэй кивнул:

— Вы ещё что-нибудь нашли в доме?

На этот раз заговорил Ло Е:

— Я выяснил, что староста не в восторге, когда спрашивают, бывали ли в деревне раньше люди. Когда я его об этом спросил, у него тут же изменилось настроение. Ещё я тайком заглянул в холодильник и там почти нет продуктов. На всех нас не хватит даже на один обед. Думаю, ему самому хватит на день-два... Не знаю, из чего он собирается готовить ужин.

Лу Хуэй сразу понял, к чему он ведёт. Если сегодня им подадут обильный ужин, а в доме ни намёка, чтобы кто-то ловил рыбу или забивал скотину, — значит, на столе будет что-то странное.

Но...

Он несколько удивлённо взглянул на Ло Е.

Это был тот самый искатель приключений, который отвечал ему ранее. Смелости у него оказалось больше, чем он ожидал.

Мин Чжаолинь, наблюдавший за их разговором, беззвучно усмехнулся.

Ло Е добавил:

— Я тут походил по дому старосты, осмотрел окрестности, но не нашёл никаких загонов для скота. Возможно, он и не держит никаких животных.

Оказывается, он ещё и в деревенской жизни разбирается.

Лу Хуэй спросил:

— Вы спрашивали его о Ян Цзяньдэ?

Ло Е опешил:

— ... Нет.

Он неуверенно добавил:

— Кажется, это ключевой персонаж? Разве можно о нём спрашивать прямо в лоб? Вдруг староста насторожится или возненавидит нас...

— Какая разница.

На самом деле, конечно, разница была. Просто Лу Хуэй считал, что в этом инстансе отношение NPC не так уж и важно. Эти деревенские жители были слишком равнодушны к их появлению, не безразличны и не враждебны, а скорее проявляли холодное, безэмоциональное спокойствие.

Это не было похоже на обычное отношение к чужакам — особенно в деревне, где все так тесно связаны. Даже если раньше и бывали приезжие, всё равно жители должны были реагировать как-то иначе.

Поэтому в этой деревне определённо есть более серьёзные проблемы.

Но Лу Хуэй не хотел тратить силы на объяснения.

Он просто кивнул Ци Баю:

— А удостоверение полицейского у тебя?

Удостоверение действительно было у Ци Бая. Поскольку он выглядел близким с Лу Хуэем, а

отношения между Лу Хуэем и Мин Чжаолинем были несколько неясными, после того как Ци Бай передал удостоверение Лу Хуэю, Ло Е и остальные не стали требовать, чтобы он отдал его обратно.

Ци Бай протянул документ:

— Брат, ты пойдёшь расспрашивать старосту?

— А Что? — ответил Лу Хуэй. — Ждать до скончания веков? У нас есть зацепки, и пока не начались сюжетные убийства, нужно попробовать их раскрутить.

О [Чжун Чжаоди] пока, возможно, не стоит говорить. О не открывающемся шкафу тоже. Значит, остаётся только [Ян Цзяньдэ].

К тому же у него фамилия Ян... Разве это не намёк, чтобы именно о нём и спросили?

Лу Хуэй взял удостоверение и пошёл к Ян Цяньфаню.

Ци Баю и остальным было неловко идти за ним толпой, поэтому за ним неспешно последовал только Мин Чжаолинь.

Когда Лу Хуэй нашёл старосту, тот как раз тушил мясо.

Огромный чугунный казан стоял на дровяной печи. Под ним ярко пылал огонь, потрескивая и искрясь. Толстая деревянная крышка почти полностью накрывала кастрюлю, но аромат всё равно ускользал наружу — и живот Лу Хуэя предательски заурчал.

Старик взглянул на него:

— Ты что-то хотел?

Лу Хуэй протянул ему удостоверение:

— Не знаю, вашего ли это сына. Мы нашли его в комнате. Будет плохо, если он его потерял, да?

Ян Цяньфань замер, а его выражение лица наконец-то немного изменилось.

Он уставился на полицейский значок застывшим взглядом. В этот миг в нём будто боролись тысячи слов, но ни одно не нашло выхода.

— ... Да, — хрипло произнёс он. — Это моего сына.

Лу Хуэй с задумчивым видом наблюдал, как тот дрожащей рукой берёт удостоверение, и сделал вид, что не заметил странности:

— Тогда ваш сын действительно выдающийся.

Он улыбнулся:

— Сложно сдать экзамен на полицейского. Мой друг много лет пытался, и так и не смог.

Взгляд Ян Цяньфаня изменился:

— Ты знаешь?

— Конечно. — не моргнув глазом, соврал Лу Хуэй. — Друг у меня — помощник полицейского. Всё сдаёт, сдаёт, но из-за образования и прочих проблем всё никак не может попасть в штат.

Ян Цяньфань погладил удостоверение в руке и наконец разговорился:

— Цзяньдэ окончил полицейскую академию.

Он, казалось, погрузился в воспоминания:

— Он хотел поступить в более престижное учебное заведение, но баллов не хватило. Пришлось идти в профессиональный колледж. Зато после выпуска сразу стал участковым.

Хм. Даже знает, что такое участковый. Похоже, действительно сын.

— У этого ребёнка с детства было... слишком сильное чувство справедливости. — добавил он.

Лу Хуэй замер.

Мин Чжаолинь раздумывая покручивал кончики своих волос.

Это не звучало, как хвастовство, а скорее было болезненным воспоминанием.

Мин Чжаолинь, хоть и плохо разбирался в человеческих чувствах, всегда интуитивно понимал, хорошие они или плохие. И сейчас чувствовал, что это... плохие.

Лу Хуэй уже собирался было закончить на этом, но тут вмешался Мин Чжаолинь:

— А где он сейчас? Потерял удостоверение... Но не вернулся за ним?

Другой NPC, возможно, и не стал бы отвечать на такой вопрос. Но Ян Цяньфань, опустив голову и глядя на удостоверение, тихо ответил:

— Он погиб.

Мин Чжаолинь поднял бровь.

Хотя у него не было памяти, и он отличался от обычных людей, многократный опыт прохождения инстансов и сильная способность к обучению позволили ему понять, что в такой момент следует выразить соболезнования, а не продолжать допрашивать, как ни в чём не бывало.

Поэтому он сказал:

— Соболезную.

Это заставило Лу Хуэя взглянуть на него.

Не от удивления — он знал своего персонажа и понимал, что Мин Чжаолинь ради прохождения инстанса мог и согнуться, и разогнуться. Просто подумал, что, если бы другие увидели это, они бы поразились.

В их глазах Мин Чжаолинь был самовлюблённым, высокомерным психом, способный в одиночку разнести инстанс.

Хотя это было не далеко от истины.

Ян Цяньфань не злился, что они задели его за живое. Он поглаживал удостоверение и бормотал себе под нос:

— Упрямый... такой упрямый...

Лу Хуэй нахмурился.

Поняв, что больше ничего из этого старика не выжать, он не стал требовать удостоверение обратно, лишь потянул Мин Чжаолиня за рукав и они ушли.

По дороге Лу Хуэй заговорил первым:

— Знаешь, я подумал... может, тут была какая-то нераскрытая история, или что-то в этом роде. Ян Цзяньдэ хотел во всём разобраться, но Ян Цяньфань пытался его отговорить. Но тот не послушался — и погиб.

Только вот неизвестно, деревня стала странной до действий Ян Цзяньдэ или после.

В этом заключалось главное различие.

Мин Чжаолинь думал так же, поэтому ему нечего было добавить.

Вернувшись во двор, Лу Хуэй снова посмотрел на небо:

— Кажется, будет дождь.

Если пойдёт дождь, возможно, после него выглянет солнце — и туман рассеется.

А если туман рассеется...

Лу Хуэй вспомнил крышу здания, которую, как ему показалось, он видел ранее из окна.

Когда они с Мин Чжаолинем составляли карту местности в уме, он все время пытался повнимательнее рассмотреть ту гору, но с какого-бы ракурса он не смотрел, видел только густой белый туман.

Поэтому у него закрались подозрения, а не является ли туман частью сюжета этого инстанса, а не просто преградой, не пускающей их за пределы локации.

Ведь на самом деле локация инстанса — это вся гора Цзюаньлоу.

Мин Чжаолинь пошевелил носом:

— Если сегодня ночью не будет дождя, туман станет ещё гуще.

Он думал о том же, что и у Лу Хуэй. Хотя он и не видел крышу здания на вершине горы, он чувствовал, этот туман — не простой.

Мин Чжаолинь загадочно усмехнулся:

— Как думаешь, туман дойдёт до деревни?

Лу Хуэй вздохнул:

— Если да, то сложность этого инстанса очень высокая.

В этот момент подошли Ци Бай и остальные и как раз услышали последние слова:

— Брат, что случилось?

— Подождём ужина. — уклонился Лу Хуэй от подробностей.

Видя, что он не хочет делиться, остальные тоже не стали расспрашивать. Кто-то отправился гулять по окрестностям, кто-то вернулся в комнату.

Лу Хуэй и Мин Чжаолинь зашли в дом.

Лу Хуэй вернулся в свою комнату и, пока ещё не стемнело, снова посмотрел на вершину горы.

Сейчас уже ничего не было видно — только белая мгла, где едва угадывались очертания горы, то появлявшиеся, то исчезающие, словно в сказочной стране.

Это доказывало, что туман становился всё гуще.

Лу Хуэй опустил взгляд.

В деревне оставалось еще несколько молодых парней. Пока они гуляли по деревне, хотя лишь Цзян Ципэн оказался тем, кто с ними поздоровался, он заметил, что на просушке у нескольких домов висела слишком молодёжная одежда.

Не то чтобы пожилые не могли носить молодёжную одежду, но под «молодёжностью» Лу Хуэй подразумевал явно не ту одежду, которую носят работающие люди.

Следы износа были в других местах.

Судя по условиям развития этой деревни, если только не заболел, невозможно, чтобы живущие здесь люди совсем не работали.

Итак... предположим, что вернулась молодежь, уехавшая в город, то почему они вернулись в апреле, когда нет ни зимних, ни летних каникул, да и длинных отпусков тоже?

В этой деревне случилось что-то серьёзное?

Или же это другая группа игроков?

Враждебная... и которая намеренно скрывается от них.

А ещё сегодняшний их местный деликатес, о котором нельзя говорить...

Лу Хуэй тихо выдохнул и пробормотал:

— Ненавижу загадки.

Если бы он не был не уверен, что это за инстанс, он бы тогда точно приподнял крышку и посмотрел, что же внутри.

Поскольку в комнате могли быть улики, Лу Хуэй еще раз тщательно всё обыскал, не пропустив даже доски кровати. В итоге, кроме того шкафа, который не открывался, больше ничего не нашлось.

Ци Бай подгадал момент, чтобы к нему прокрасться:

— Старший брат.

Лу Хуэй жестом велел ему закрыть дверь:

— Заходи, поговорим.

Ци Бай тут же плотно прикрыл дверь:

— Я спросил, о чём ты просил.

Он в точности воспроизвёл сцену, дословно повторил слова, в том числе и то, что говорил тогда Ло Е, и как он вообще там оказался.

Ци Бай:

— Брат, я не строю из себя недотрогу, просто я считаю, что этот Ло Е... какой-то странный.

— Неплохо. — похвалил его Лу Хуэй, хотя мыслями был явно не здесь, — Есть прогресс.

Ци Бай смущённо улыбнулся.

Лу Хуэй сказал:

— Я примерно понял, что он задумал. Будь настороже, но слишком не переживай.

Ци Бай закивал:

— Ага, ага.

Он спросил:

— Тогда что же это за алтарь такой?

Лу Хуэй неспешно ответил:

— А что здесь непонятного? «Раньше верили, а теперь нет» — он не солгал, а значит, раньше он и правда верил в какого-то бога.

Более того, в той или иной степени, в каждой деревенской семье верили во что-то.

«Снести нельзя вот и оставили как украшение...» Не надо быть гением, чтобы понять, что это чушь собачья.

Идола якобы можно снести, а раму — нет? Да они за кого нас держат?

Лу Хуэй усмехнулся:

— Значит, либо что-то заставило их разобрать его, либо его просто заменила какая-то штукавина, которая поглотила его.

Ци Бай ахнул:

— Ааа, так он в курсе, почему тот алтарь так выглядит.

Лу Хуэй подтвердил и снова тяжело вздохнул.

Ци Бай спросил его:

— Брат, что случилось?

— Просто этот инстанс, скорее всего, связан с призраками и потусторонними силами.

Лу Хуэй потёр переносицу:

— Такие инстансы намного опаснее тех двух, что мы проходили раньше.

«Санаторий» был чисто правилowym, а в «Лифте» тоже были свои принципы; хоть и не было безопасной комнаты, но опасность не возникала внезапно и не подкрадывалась тихонько во сне.

Но инстансы с призраками и аномалиями — другие. В таких инстансах можно уснуть и не проснуться.

Поэтому Лу Хуэй их так ненавидит — даже поспать спокойно нельзя.

Хотя, признаться честно, когда он писал подобные сценарии — ему это даже нравилось. Адреналин и все эти острые ощущения.

Ци Бай ещё ничего не сказал, как издали донёсся собачий лай, от которого без причины пробежали по спине мурашки.

Особенно испугался Ци Бай, который почти в ту же секунду, как залились лаем собаки, вспомнил одну приметку, в которой говорилось, что собаки могут видеть то, что не видно человеку.

Он вздрогнул, а вот Лу Хуэй остался абсолютно спокойным, и даже сказал:

— А деревня сделана довольно реалистично.

Мало того, что лают собаки, так ещё и время от времени доносится щебетание птиц.

.

Влажный воздух, пронизанный густым туманом, создавал гнетущую, почти давящую атмосферу.

Ян Цяньфань крикнул снизу:

— Кушать подано-о-о!

От этих слов пробежала дрожь.

Когда Лу Хуэй и остальные спустились вниз, Ло Е сказал:

— Такое чувство, будто он не нам кричит.

Услышав это, другой игрок ахнул:

— А... а кому же тогда?

Ло Е понизив голос намеренно пугал его, но говорил правду:

— Похоже на призыв.

И правда похоже.

Лу Хуэй неторопливо спускался вниз.

Этот крик был слишком странным.

Еда была расставлена на столе в той самой столовой у входа, где, подняв голову, можно было увидеть тот самый алтарь, похожий на гроб.

На столе, по правде говоря, еды было немного, но в центре стояла огромная миска тушёного мяса, от которой невозможно было отвести взгляд.

...Пахло обалденно.

Один из игроков сглотнул слюну:

— Это свинина?

Ян Цяньфань не сел ужинать вместе с ними:

— Это наш местный деликатес, обязательно попробуйте.

И продолжил:

— Мясо невероятно нежное, жалко будет, если не отведаете.

Лу Хуэй вспомнил о той плотно закрытой плоской корзине.

Он сел, и Мин Чжаолинь сел рядом с ним.

Лу Хуэй по привычке вежливо сказал Ян Цяньфаню:

— Спасибо вам, простите нас за беспокойство.

Ян Цяньфань:

— Ничего, кушайте на здоровье. Скоро дождь пойдёт, мне нужно забрать с улицы сушившуюся картофельную лапшу.

Как реалистично.

Лу Хуэй как-бы невзначай спросил:

— Дядя, а что это за местный деликатес? Какое-то редкое животное?

Ян Цяньфань, как и положено хорошему NPC, решил, что его подозревают в браконьерстве:

— Не волнуйся, это не охраняемый вид.

— Тогда что же это?

— Секрет.

Ян Цяньфань сказал:

— Это особенность нашей деревни. И гости, и мы сами — с детства ели это мясо. Предки наши когда-то благодаря ему выжили. Большинство, кто пробовал, потом не может от него отказаться. Поэтому мы не разглашаем рецепт — вдруг кто-то начнёт сам забивать, а это недопустимо.

Зависимость?

Лу Хуэй взглянул на миску с мясом.

Неужели наркотики?

Учитывая, что его лучший друг — полицейский, Лу Хуэй был особенно чувствителен к таким вещам, и его взгляд на мясо изменился.

Ян Цяньфань бросил «кушайте на здоровье» и вышел за дверь.

Лу Хуэй проводив его взглядом, поковырял рис в своей пиале.

В принципе, как ни посмотри — и внешне, и по запаху — всё в порядке.

Это не тоже самое, что было в санатории, где еда действовала как ментальная атака. Здесь просто хорошо приготовленная еда, да и они были голодны, так что неудивительно, что запах казался особенно аппетитным.

Лу Хуэй и Мин Чжаолинь не собирались даже притрагиваться к этому мясу, Ци Бай, чьи отношения с Лу Хуэем явно были особыми, тоже, а Яо Хаохао... всё еще была вне игры.

Поэтому Ло Е взял на себя инициативу:

— Я предлагаю нам всё же не есть это мясо, с ним определённно что-то не то.

— Но... — неуверенно подал голос кто-то из игроков. — А вдруг всё наоборот? Может староста специально ведёт себя подозрительно, чтобы мы усомнились в блюде и не стали есть? А вдруг в этой деревне нужно есть именно его, чтобы избежать каких-то неприятностей? Он же сказал, что это особенность их деревни, и все деревенские его едят.

В инстансах и такое бывает, так что никто не мог утверждать, что он абсолютно прав, ведь пока у них был недостаточно улик.

Ло Е фыркнул:

— Как хочешь. Моё дело предупредить.

Он неодобрительно взглянул на того игрока:

— Может он так и сказал, но разве он сам его ел? Он даже не сел с нами ужинать... Мы же не его начальство, чтобы он боялся с нами за один стол садиться?

Тот игрок побледнел, но промолчал.

— Не ссорьтесь.

Лу Хуэй дождался, пока они замолчат, и только тогда выступил миротворцем, но тон его был слишком поверхностным и небрежным:

— Есть хороший способ это проверить. Давайте пока никто не будет есть, подождём, пока староста вернётся, и скажем ему, что без хозяина дома нам неудобно ужинать. Тогда он сядет с нами, и посмотрим, станет ли он есть это мясо. Как вам такой план?

Идеальный план.

Ци Бай и остальные согласились с его предложением. И только Мин Чжаолинъ взял столовую ложку для супа и принялся помешивать и ковырять в миске:

— Цвет у этого соуса какой-то уж слишком насыщенный.

Он скрывал естественный цвет мяса, так что невооруженным глазом было невозможно определить, что это за мясо.

Но внутри, кроме мяса, не было ничего, что обычно показывают в ужастиках — ни длинного волоса, ни человеческого глазного яблока, ни ногтей и т.п.

Ждать пришлось недолго и вскоре вернулся Ян Цяньфань, неся на спине мешок с картофельной лапшой.

Увидев, что рис в их пиалах и еда на столе нетронуты, Ян Цяньфань спросил:

— Почему не едите?

Он так спокойно и топорно это сказал, что Лу Хуэй даже подумал, не марионетка ли он.

Ло Е сам привёл в действие, предложенный Лу Хуэем план. Ян Цяньфань ахнул:

— Какие молодцы.

И добавил:

— Тогда подождите минутку, вот отнесу лапшу и сразу к вам присоединюсь.

Он не стал настаивать, чтобы они ели первыми, и не сказал, что не будет есть с ними.

Ян Цяньфань вернулся и сел рядом с Лу Хуэем, на место которое ему уступил Ци Бай.

Он взял пиалу с рисом, и под пристальными взглядами восьми пар глаз взял палочками кусок тушеного мяса в соусе.

Затем, всё так же под пристальными взглядами восьми пар глаз, отправил тот кусок тушеного мяса в соус в рот, и принялся жевать, приговаривая:

— Вот он, тот самый вкус.

Увидев, что он и правда ест, двое игроков тоже отбросили подозрения.

И начали есть.

Лу Хуэй ещё немного поковыряв рис в своей пиале, всё же попробовал его, но к мясу не притронулся.

Увидев, как Мин Чжаолинь тоже взял кусок мяса, он бросил на него косой взгляд, заметив в его взгляде смесь живого интереса и возбуждения.

Снова этот псих ищет острых ощущений.

Впрочем, он умел и любил играть на грани. Поэтому Лу Хуэй вмешиваться не стал.

Он только бросил взгляд на Ци Бая, дав понять, чтоб тот не ел. Затем посмотрел на Яо Хаохао, которая морщилась, глядя на мясо. Видимо, она тоже есть не собиралась. Остальных решил не трогать.

Игроки, попробовавшие мясо, причмокивали:

— Это мясо и правда очень вкусное.

Другой игрок тоже сказал:

— Я никогда не ел такого нежного мяса... Что это вообще за мясо?

Лу Хуэй без особой надежды посмотрел на Ян Цяньфаня, сохранявшего обычное выражение лица:

— Дяденька, ну скажите, пожалуйста, что это за мясо?

Неожиданно Ян Цяньфань ответил:

— Раз уж ты помог мне найти удостоверение моего сына, так уж и быть скажу.

Он опустил взгляд, уставившись на миску с мясом. Произнося эти слова, выражение его лица наконец-то заметно изменилось. Он медленно расплылся в до жути счастливой улыбке:

— Это особый деликатес, присущий только нашей деревне. Называется «независтный баран». Мол, съев его, ты уже не захочешь обычной баранины.

Лу Хуэй вздрогнул. Внутри у него уже бушевала буря, а его уменьшенная копия таращила глаза, но на лице сохранялись безмятежность и спокойствие.

Независтный баран...

Так он и знал, что все не так просто!

Независтный баран — это же человечина!

---

* 不羡羊 (bù xiàn yáng / Бу сянь ян) — букв. «не завидую барану». Это интернет-фраза, появившаяся в 2010-х годах как чёрный юмор в связи с делом каннибала Чжао Чжицзюня, потому что «баранина» может оказаться человечиной, и тогда «баран» (то есть жертва) — это ты сам, а не животное. Ирония заключается в том, что обычно люди завидуют свободе или простоте жизни животных, но в этом случае «быть бараном» — значит быть убитым и съеденным, так что завидовать ему — последнее дело.

<http://bllate.org/book/12898/1133632>